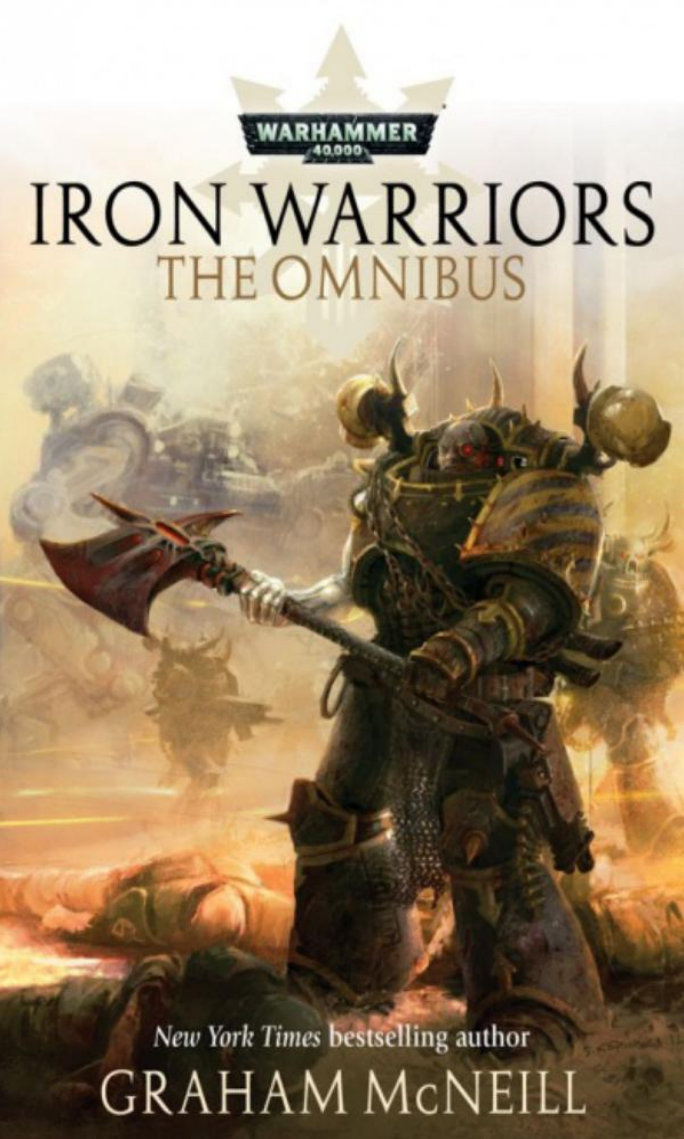

The background of the cover is a detailed illustration of a Warhammer 40,000 Iron Warrior. The warrior is a heavily armored, hulking figure with a helmet featuring two large, horn-like protrusions. He is holding a large, double-bladed battle-axe. The scene is set in a hazy, war-torn environment with other warriors and structures visible in the background. At the top, there is a large, stylized white star logo.

WARHAMMER

40,000

IRON WARRIORS

THE OMNIBUS

New York Times bestselling author

GRAHAM McNEILL

- [Макнилл Грэм - Жамба черенов \(Skull Harvest\)](#)
-

Макнилл Грэм - Жамба черенов (Skull Harvest)

Из сборника "Heroes of the
Space Marines"

Прокатившись по полу, голова, наконец, остановилась, и остекленевшие глаза воззрились на завсегдатаев таверны. Молниеносный удар ребром ладони, столь же смертоносным, как и лезвие меча, - и голова задиристого воина отделилась от шеи еще до того, как с губ сорвалось последнее дерзкое слово.

Но тело продолжало стоять: убийца удерживал его в вертикальном положении, ухватив за край заляпанного алым нагрудника рукой, обтянутой грубой серой кожей. Под головой скопилась лужа крови, еще одна лужа натекла из обрубка шеи. Ноги трупа вдруг задержались, словно покойник и после смерти не терял надежды избежать ужасной участи. Убийца, разжав кулак, отвернулся, и тело

с грохотом рүхнуло на покрытый слоем
золы и пыли пол.

Как только шоу закончилось,
постоянные посетители таверны
вернулись к своим кружкам и интригам,
потому что в подобных местах собирались
только те, кто вынашивал планы мести,
убийства, разбоя и насилия.

Хонсю из Железных Воинов не был
исключением, и демонстрация
стертоносного мастерства, только что
проведенная его чемпионом, должна была
стать первым шагом к исполнению его
собственных грандиозных замыслов.

В таверне пахло заговоротом,
прогорклым жиром и дымом, клубы
которого поднимались к массивным
стропилам, судя по их виду, когда-то
бывшим частью костяного корабля.
Стены из неровных глиняных кирпичей
венчали листы гофрированного железа, и
сквозь прорехи и пүлевые отверстия в
крыше внутрь таверны падали тонкие
лучи резкого света, обжигаяще-белого, как
свет мендренгардского солнца.

Убийца слизнул кровь с ладони, и

Хонсю устехнулся, заметив, что так хорошо знакомые серые глаза чемпиона, равно как и все его напряженное тело, по-прежнему охвачены желанием убивать. Существо называло себя Свежерожденным и носило тусклый доспех цвета вороненого железа. Края наплечников были отмечены желтым и черным, а с широких плеч существа спускался плащ из грубой материи цвета охры. Оно всем походило на одного из Железных Воинов - за исключением лица: неплотно прилегающая к мышцам маска из украшенной кожи в точности повторяла черты человека, которого Хонсю надеялся когда-нибудь убить.

Сшитое из кожи утерцвленных пленников, лицо Свежерожденного было личиной убийцы, сокрытого тьмой, ночного кошмара, призрака, что ходит под покровом тени и преследует трусов во сне.

Существо обернулось к Хонсю, и тот почувствовал отзвук восхитительно приятного возбуждения, что вызывал в нем вид мертвого тела на полу.

- Отличная работа, - похвалил Хонсю. Жалкий ублюдок даже не успел

оговорить оскорбление.

Пожав плечами, Свежерожденный сел за стол напротив него.

- Он никто. Просто солдат-невольник.

- Да, но кровь из него текла не хуже, чем из любого первого встречного.

- И теперь его хозяин может захотеть встретиться с тобой, - заметил Свежерожденный.

- Хорошо, что он сдох сейчас - мы могли бы его завербовать, и он погвел бы нас в бою, - подал голос Кадарас Грендель, сидевший напротив, и осушил жестяную кружку с выпивкой. - Если в ближайшие несколько дней нам предстоит встреча с серьезным соперником, не хочу, чтобы по ногам пугались неудачники.

Грендель был настоящим зверем, закованным в доспех убийцей, которого радовали только смерть и страдания других. Когда-то он сражался в армии одного из Кузнецов Войны, противостоявших Хонсю на Медренгарде, а когда тот был разбит, перетекнул на сторону победителя. Несмотря на это, Хонсю знал, что верность Гренделя можно

купить только обещанием резни и что он не более предан хозяину, чем голодный волк на цепи. Шрамы не оставили на его лице живого места, а коротко подстриженный парик довершал образ безжалостного воина.

- Уж поверь, - заговорил воин, сидевший рядом с Гренделем, - Жамба Черепов быстро избавляется от сорной травы. До конца доживают только самые сильные и жестокие.

Хонсю кивнул.

- Тебе лучше знать, Ваанес, - ты же бывал здесь раньше.

Аргарик Ваанес, носивший черный, как ночь, доспех Гвардии Ворона, был полной противоположностью Гренделю: гибкий, элегантный, красивый. Его длинные темные волосы были стянуты в хвост, на правильно очерченном лице выделялись прикрытые тяжелыми веками глаза, а на щеках красовались ритуальные шрамы.

С тех пор, как Хонсю предложил бывшему десантнику из Гвардии Ворона присоединиться к его войску, чтобы

обучать Свежерожденного, Ваанес сильно изменился. Хонсю никогда до конца не верил, что бывший солдат Лже-Императора может полностью отказаться от клятв верности прежнему хозяину, но рассказ Гренделя о действиях Ваанеса на оружейной платформе на орбите Тарсис Ультра не оставлял повода для сомнений.

- Бывал, - признал Ваанес, - и не могу сказать, что счастлив сюда вернуться. Если оказался здесь, то готовься к худшему - особенно когда идет Жатва Черепов.

- Как раз к худшему мы и готовы, - ответил Хонсю, поднял оторванную голову и поставил ее на стол перед ними. На мертвом лице застыло удивленное выражение; интересно, когда голова покатилась с плеч трупа, оставалось ли в ней еще жизнь, чтобы увидеть, как вращается вокруг нее таверна? Влажная кожа мертвеца приобрела восковой оттенок, а на лбу виднелось клеймо в форме красного черепа, выжженное поверх татуировки в виде восьмиконечной звезды.

- Ведь именно поэтому ты здесь и поэтому я приказал Свежерожденному убить этого тупа.

Как и его воины, Хонсю сильно изменился с тех пор, как на Гигре Кордатус началось его восхождение к власти. Он обзавелся удивительной серебряной рукой и в результате взрыва лишился всей левой половины лица, включая глаз. Теперь глаз заменил аугметический имплантант, но как бы сильно ни изменилась его внешность, Хонсю понимал, что главные перемены произошли внутри.

Баанес потянулся к голове и поднял ее так, что капли крови упали на его латные перчатки. Хонсю заметил, как расширились глаза воина при прикосновении к мертвой плоти, как раздвинулись ноздри, уловив запах смерти, как внимательно пальцы ощупывали холодную кожу.

- Это один из бойцов Наштока Улүвента, - констатировал Баанес.

- Кого-кого?

- Он поклоняется Богу Крови, -

ответил Ваанес, развернул голову и указал на клеймо на лбу. - Это его тетка.

- Влиятельная фигура? - спросил Грендель.

- Более чем. Он много раз приезжал на Жамбу Черепов, чтобы набрать воинов в свою банду.

- И ему удавалось победить?

- Претенденты, не сумевшие победить в Жамбе Черепов, не выживают, - сказал Ваанес.

- Убив одного из его людей, ты наверняка привлечет его внимание, - заметил Хонсю.

- Кажется, уже привлекли. - Грендель кивнул в сторону входа и широко улыбнулся в кровожадном предвкушении.

К их столу уверенным шагом направлялся воин в доспехах, когда-то выкрашенном в черное с желтым, но теперь так сильно испачканном кровью, что броня приобрела темно-бордовый цвет с оттенком ржавчины.

Грендель потянулся за оружием, но Хонсю остановил его, отрицательно качнув головой.

Шлем воина венчали рога, а из-под визора торчали два глинных клыка. Хонсю не мог определить, были ли это просто украшения доспеха или же часть тела воина. Тот же символ, что был на голове убитого, украшал и нагрудник новоприбывшего, а его хриплое дыхание походило на рык хищного зверя. Он был вооружен топором, с бронзового лезвия которого капала кровь, а металл светился тусклым огнем кузнечного тигля.

Перевернув топор лезвием вниз и опершись на него одной рукой, кулаком другой воин ударил себя в грудь:

- Я Воск Далл, слуга Трона Черепов, и я пришел, чтобы забрать твою жизнь.

Хонсю понадобилось всего мгновение, чтобы оценить противника. Воск Далл когда-то был Астартес - из ордена Косы Императора, судя по эмблеме из двух перекрещенных кос на его наплечнике, - но теперь убивал во имя кровожадного бога, больше всего ценящего войну и смерть. Он наверняка силен и утел, и в жажде воинских славы и почестей переплюнет даже тех, кто еще сражается за

Ципериум.

- Я думал, твоему Оргену пришел конец, - сказал Хонсю, поднимаясь. - Разве тираниды не превратили твою планету в безжизненную скалу?

- Ты говоришь о событиях, которые тебя не касаются, червяк, - огрызнулся

Далл. - Я пришел убить тебя, а потому готовься к бою.

- Вот так всегда, - Хонсю покачал головой. - Всегда вы, последователи Бога Крови, повторяете одну и ту же ошибку. Вы слишком много болтаете.

- Тогда хватит разговоров, - сказал Далл. - Дерись.

Хонсю не стал тратить время на ответ и просто схватил со стола свой топор. Черное гладкое лезвие блестело и, казалось, впитывало в себя весь свет, по неосторожности коснувшийся его поверхности.

Он двигался быстро, но Далл оказался еще быстрее и успел поднять свое оружие, чтобы блокировать атаку, а затем занес топор для удара, способного раскроить врага надвое. Хонсю пригнулся, ударил

древком топора Далла в живот и быстро отступил в сторону, укорачиваясь от обратного удара. Лезвие противника прошло в каких-то миллиметрах от его головы, и он почувствовал яростный жар, исходящий от созданного варпом оружия.

Далл бросился в атаку, и Хонсю гвутья руками взялся за топор и перешел в более широкую стойку. Воин Кровавого Бога двигался быстро, от его полного ненависти рева содрогались стены, но Хонсю сражался и с более страшными врагами - и выжил.

Он сделал шаг навстречу атаке и резко поднял руку, чтобы заблокировать удар; топор Далла рухнул вниз, и лезвие глубоко вонзилось в предплечье. Как и у Свежерожденного и Гренделя, успех Хонсю был традиционного для Железных Воинов цвета необработанного железа, но рука, остановившая оружие Восока Далла, на этом фоне выделялась своим чистым, сверкающим серебром.

Далл крикнул от удивления: он явно привык к тому, что после удара его топора жертва падает и больше не

поднималась.

Это удивление стоило ему жизни.

Воин безуспешно попытался
высвободить глубоко засевшее оружие, и
Хонсю, широко затахнувшись, возна-
блестящее, как черное зеркало, лезвие
своего топора противнику в голову. Пройдя
сквозь шлем и череп, лезвие рассекло шею и
половину грудины.

Далл упал на колени и начал
заваливаться на бок, своим весом увлекая
Хонсю за собой. Тело его согнулось: злой
дух, рожденный варпом и заточенный в
оружии победителя, добрался до его души и
забавы ради разорвал ее на части. Из
расколотого черепа багровым потоком
хлынула кровь, но даже после того, как
душа Далла перестала существовать, его
рука все так же крепко сжимала оружие.

Вокруг того места, где топор Далла
погрузился в протез, заменявший Хонсю
руку, возникло тонкое оранжевое свечение,
похожее на пламя ацетиленовой горелки, и
полумесяцем прошло по лезвию, отрезая
его. Огненное сияние, оживлявшее его,
потухло, и его энергия перешла в оружие

Железного Воина. Несмотря на удар, поверхность протеза оставалась такой же гладкой, как будто он только что вышел из кузницы серебряных дел мастера. Хонсю не знал, да и не хотел знать, откуда берется эта способность искусственной руки восстанавливаться - главное, что она в очередной раз спасла ему жизнь. С видом победителя стоя над трупом Восока Дала, он выпрямился в полный рост, и из-за угла таверны с интересом воззрились на него.

- Я - Хонсю из Железных Воинов! - проревел он, подняв топор высоко над головой. - Я пришел на Жатву Черепов и я никого не боюсь. Пусть любой, кто считает себя достойным присоединиться ко мне, приходит в мой лагерь. Ущите, знамя с Железным Черепом у северного утеса.

Он уже направлялся к выходу, когда из-за одного из столов поднялся мужчина в потрепанном бронежилете; из-под каски, которую носили солдаты Имперской Гвардии, глядело грубое лицо, а на плече висела длинноствольная винтовка.

- Все командиры, которые заявляются сюда, утверждают, что у них есть план, - сказал гвардеец. - Чем отличаешься ты? Большинство из них никогда больше не возвращаются - так почему я должен сражаться за тебя?

- Как твое имя?

- Хаин. Хаин Петтар.

- Потому что я намерен победить, Хаин Петтар.

- Все так говорят, - возразил Петтар.

Подняв топор на плечо, Хонсю ответил:

- Они говорят - а я сделаю.

- Ладно, и с кем же ты собираешься воевать, если выживешь в Жатве?

Хонсю ухмыльнулся.

- Мой крестовый поход сожжет тирь Ультратара.

- Ультратара? - переспросил Петтар.

- Да ты снятил: это чистое самоубийство.

- Может, и так, - ответил Хонсю, - а может, и нет. Но если это не достойная цель,

то в этой галактике не осталось ничего, ради чего стоит жить.

Город в горах переполняли еле сдерживаемые напряжение и угроза. Воины всех мастей и достоинств заполнили улицы, переулки и площади, зажатые между ветхих домов, кое-как сложенных из кирпичей и всяческого мусора. Жатва Черенов должна была вот-вот начаться, и горожане, еле сдерживая нетерпение, то и дело тянулись к рукоятке пистолета или к обшитою кожей эфесу меча. Угроза и опасность витали в воздухе, как электрические разряды, и Хонсю управлял их так же ясно, как агент Цицерин, преобразившийся магос, видел течения варна. В любую секунду могла пролиться кровь - впрочем, это было бы в порядке вещей.

Небо тускло светилось, озаряемое вихрем всполохов, похожих на полярное сияние безутных расцветок. В глубине стерчей сверкали молнии, и Хонсю с трюдом заставил себя оторваться от радующего глаз зрелища. Только те, кто не знал опасностей варна, остеливались долго смотреть в бездну, скрывавшуюся за небесами; он улыбнулся, вспомнив, как

однажды его плоть чуть не стала домом
для одного из существ, обитавших в
глубине этого зловещего калейдоскопа
цветов.

Немощные улицы, протянувшиеся по
склону горы, заполнили толпы людей, и
Хонсю взглядывался в лица прохожих: кто-
то мог быть старым врагом, кто-то —
новым соперником или просто воином,
решившим сделать себе имя на убийстве
таких, как он. Уличные торговцы и
знахари-шарлатаны заполнили город, и в
воздухе витали странные запахи, хор
голосов монотонным речитативом
расхваливал развлечения и товары,
которые можно было найти только в
сердце Мальстрима: флекты с
кошмарными видениями; демониические
клинки; плотские утехы в компании
преображенных варпом куртизанок;
наркотические экстракты из
нематериальных сущностей обитателей
пустоты; обещания вечной юности.

Здесь были и пираты, сбившиеся в
чванливые шайки, и родовые кланы
наемников, и неприкаянные изгои; то тут,

то там на углу улицы выднелся одинокий
воин, похвалявшийся своей удачей и охотно
демонстрировавший свои навыки.
Серокожий локсатль взбирался по
кирпичной кладке темной башни, и его
оружие само изменяло положение и
наводку. Облаченный в мантию скиф
занимался дустилляцией яда на потеху
зрителям, а рядом несколько мужчин и
женщин устроили показательное сражение на
мечех и топорах. Другие хвалились
мастерством в обращении с
огнестрельным оружием, стреляли по
летающим мишеням и показывали прочие
чудеса меткости.

- Ну что, нравится кто-нибудь? -
спросил Грендель, кивая в сторону
участников показательных выступлений.

Хонсю отрицательно покачал
головой.

- Нет, это просто отребье. По-
настоящему умелые воины не станут
выставлять себя на показ так сразу.

- Себя ты уже выставили.

- Мы тут новички, - объяснил Хонсю.

Я хочу, чтобы обо мне заговорили, но

теперь пусть этот Папшток Улүвент
создает мне репутацию, напав на нас.

- То есть ты специально заставил
меня убить того человека, чтобы
спровоцировать ответное нападение?
поинтересовался Свежерожденный.

- Именно так. Я хочу, чтобы все
воины, собравшиеся здесь, услышали обо мне
и прониклись уважением, но я не могу
вести себя, как эти дураки, и кричать
повсюду, как я велик. Пусть за меня это
сделают другие.

- Если только мы переживем мест
Улүвента.

- Действительно, если, - признал
Хонсю. - Но я никогда и не говорил, что
эта затея обойдется без риска.

Они пробирались по улицам города,
проходя через районы, погруженные в
гнетущую тьму, залитые опаляющим
светом или наполненные пустотой, в
которой тонули все звуки и каждый шаг,
казалось, был глиною в жизнь. После
Медренгарда, расположенного в глубине
Ока Ужаса, хаотичная изменчивость
тиров, затронутых варпом, уже не могла

удивить Хонсю, но непостоянная, прихотливо меняющаяся обстановка раздражала.

Он посмотрел вверх, на вершину горы, где, подобно гигантской черной короне, раскинулась могучая цитадель правителя этого мира. Высеченная в горной породе, цитадель проникла в самую вершину, превратив ту в колоссальных размеров твердыню, откуда ее хозяин мог планировать смертоносные атаки на весь сектор.

Изогнутые стены редутов и выступы бастионов, расположенные под наиболее эффективным углом, врезались в скальный массив, защищая верхние подступы к крепости, а ряды колючей проволоки, подобно непроходимому полю без конца и края, перекрывали все пути к огромному, утыканному железными шипами барбакану.

Вид столь внушительной крепости наполнил Хонсю восхищением, понятным любому Железному Воину.

Хорошо укрепленные башни стояли на защите цитадели, и их орудия были

способны сбить даже самый крупный костяной корабль и вдребезги разбить любую армаду, постывшую напасть на эту планету.

Халан-Гол даже в лучшие времена не мог похвастаться столь внушительным вооружением.

Аргарик Ваанес склонился к Хонсю и, указав на нацеленные в небо орудия, заметил:

- Большие пушки не знают усталости - так он, кажется, всегда говорит?

- Рассказывают, что да, - согласился Хонсю, - но если жизнь на Медренгарде меня чему и научила, так это тому, что крепости неподвижны, и штурм - только вопрос времени. Это место впечатляет, это точно, но моя карьера строителя крепостей окончена.

- Не думал, что когда-нибудь услышу от Железного Воина, что он устал от крепостей.

- Не устал, Ваанес, - возразил Хонсю, ухмыльнувшись. - Просто теперь я буду направлять свои силы на их разрушение.

Хонсю разместил своих воинов на

северном утесе -- месте, самой природой защищенном с трех сторон отвесными скалами, обрывающимися в пропасть глубиной в несколько километров, до самой долины внизу. В обычных обстоятельствах такая позиция плохо подходила для укреплений, так как ее легко было блокировать, но Хонсю не собирался здесь задерживаться дольше, чем необходимо. Его отряд очистил утес от прежних обитателей, и пленников после жестокой перестрелки в качестве жертвоприношения богам просто сбросили вниз, навстречу их судьбе.

Под знаменем Железного Черепавыросла временная крепость -- система неприязательных укрытий из туннелей, сооруженных из проволочного каркаса и прочной ткани, с песком, землей, камнями и щебнем в качестве наполнителя. Линия, сложенная из таких массивных габионов, протянулась по всей ширине утеса, но еще предстояло возвести из этого же материала несколько башен для установки тяжелых орудий.

На самом деле это была, скорее,

просто заградительная стена, нежели настоящий форт, и эта позиция не шла ни в какое сравнение с цитаделями даже самых захудалых Кузнецов Войны на Медренгарде; но и ее Хонсю постарался укрепить, насколько возможно, чтобы продержаться в течение всей Жатвы Черенов.

При приближении Хонсю и его спутников агамантиевые ворота распахнулись, и орудия, расположенные на приземистых башнях по обе стороны ворот, держали их на прицеле, пока прибывшие не вошли внутрь. На стенах несли караул два десятка Железных Воинов, чьи доспехи в суровом, переменчивом климате планеты покрылись пылью и царапинами. Другие воины отряда Хонсю были расставлены по всему лагерю, а часть осталась на «Поколении войны» - древнем и славном корабле, который доставил их на этот мир и теперь ждал на орбите среди прочих флотилий.

Хонсю направился пряником к шатру из стальных листов, возведенному в

центре лагерь и дополнительно
защищенному глыбами заполненных
землей габионов. Над шатром трепетало
и хлопало на ветру знамя, и казалось, что
Железный Череп глумливо ухмыляется,
вызывая всю планету на бой. Грендель,
Баанес и Свежерожденный последовали за
ним мимо двух караульных у входа в
шатер, облаченных в массивную
терминаторскую броню. Оба гигантских
стражника были вооружены глиняными
копьями с изогнутыми наконечниками и в
своих доспехах более всего походили на
статуи из металла, столь же
непреклонные, как и их сердца.

Внутри стены шатра украшали
звездные карты с изображениями рукавов
галактики, орбит планет и диаграмм, а
также различные сакральные символы,
начертанные на фрагментах бледной кожи
-- как человеческой, так и снятой с
ксеносов. В центре стояла железная
кровать, а вокруг нее -- металлические
ящики, заполненные книгами и свитками.
Три дымящиеся жаровни наполняли шатер
густым масляным ароматом, который,

как считалось, привлекает внимание богов.

Хонсю поставил топор на стойку для оружия и налил себе в кубок воды из медного кувшина. Не предложив напиться своим спутникам, он сделал долгий глоток, прежде чем повернуться к ним.

- Итак, что вы думаете о нашей первой вылазке?

Грендель сам наполнил себе чашу и заметил:

- Неплохо, хотя жаль, что убить никого не удалось. Если этот Пашток Улүвент такой же сутасшедший, как и прочие слугители Кровавого Бога, которых я встречал, тогда нам недолго ждать его ответного хода.

- Ваанес, твое мнение? Ты уже участвовал в Жатве -- что должно случиться дальше?

- Вначале тебя призовут засвидетельствовать почтение в цитадель, - сказал Ваанес, наугад беря одну из книг из ближайшего к кровати ящика. - Затем настанет день жертвоприношений, после чего начнутся

поединки.

- Почтение, - сплюнул Хонсю. -- Какое мерзкое слово. Я никому не оказываю почтение.

- Может, и так, - ответил Ваанес. -- Но у тебя недостаточно власти, чтобы нарушать правила.

Хонсю кивнул, хотя все в нем восставало против необходимости кланяться и заискивать перед кем бы то ни было, пусть даже и пользующимся зловещей славой, как повелитель этого мира. Он выхватил книгу из рук Ваанеса и положил ее на кровать.

- А что будет после визита в цитадель и жертвоприношений?

- Потом начнутся убийства, - сказал Ваанес, глядя на него с недоумением. -- Предводители различных отрядов бросают друг другу вызов, ставка -- воины их банд. В большинстве случаев на эти вызовы отвечают их чемпионы, а сами главарь вступают в битву, только когда ставки максимально возрастут.

- И эти вызовы завершаются боем один на один?

- Иногда, - ответил Ваанес. -
Последний бой обычно именно так и
проходит, но до этого поединка может
принять какую угодно форму. Почти
никогда точно не знаешь, с чем
столкнешься, пока не выйдешь на арену. Я
видел бои, в которые шли танки, видел,
как дерутся на смерть голыми руками,
бывают поединки с чудовищами-ксеносами
и дуэли с применением псайкерских сил.
Заранее не угадаешь.

- Значит, я все-таки кого-нибудь убью,
- с нескрываемым удовольствием сделал
вывод Грендель.

- Это я тебе могу практически
гарантировать, - ответил Ваанес.

- Тогда мы должны выяснить, с кем
нам предстоит драться, - сказал Хонсю. -
Если мы собираемся добыть себе армию,
надо знать, у кого мы ее заберем.

- И как, по-твоему, нам это сделать? -
поинтересовался Грендель.

- Побродите по городу. Узнайте, что и
как, посмотрите, кто прибыл, выведайте
их сильные и слабые стороны. Не
скрывайте, кому вы служите; можете

раскрыть парусную черепов, если
понадобится. Грендель, знаешь, что
сделать?

- О да, - подтвердил Грендель с
откровенным предвкушением во взоре. --
Более чем.

Хонсю заметил взгляд, которым
обменялись Ваанес и Свежерожденный, и с
удовольствием отметил их
замешательство. Не дело допускать,
чтобы подчиненные были слишком уж
хорошо осведомлены о планах командира.

- А теперь пошли прочь, мне надо
заняться исследованиями, - приказал он,
подбирая с кровати книгу, которую
отобрал у Ваанеса. -- До утра можете
развлекаться, как хотите.

- Но мне, так отличный план, - сказал
Грендель и извлек из чехла нож с глиняным
лезвием.

Хонсю уже собирался повернуться
спиной к своим подчиненным, но тут он
заметил, что Свежерожденный склонил
голову набок, словно прислушиваясь, а из-
под его свободно сидящей кожи пробивается
мерцающий свет, пульсирующий с каждым

ударом сердца. За месяцы совместных
сражений Хонсю научился распознавать
это предупреждение.

- Браги идут, - сказал
Свежерожденный, отвечая на
невысказанный вопрос командира.

- Что? Откуда ты знаешь? -
требовательно спросил Трендель.

- Чую кровь, - объяснил
Свежерожденный.

Земля перед заградительной стеной
лагеря Хонсю была усеяна трупами.
Орудия, установленные на башнях и
паранетах, выплевывали огнестрельные
очереди, создавая сплошную завесу огня,
косившего ряды облаченных в бронежилеты
солдат, которые бросались на ворота без
всякого страха. Все вокруг внезапно
затопила тьма, словно ночь накрыла утес
своим покровом, и темноте освещали
лишь трепещущие языки пламени,
отмечавшие столкновение двух сил.

Предупреждение Свежерожденного
прозвучало как раз вовремя, и Хонсю успел
собрать своих воинов на стенах
примитивных укреплений, прежде чем

орда орущих людей вырвалась из темноты и понеслась на них. Это было жалкое подобие штурмового отряда, разношерстная толпа человеческих отщепенцев всех мастей. У большинства на головах были железные маски или череполикие шлемы, а униформой — если таковая вообще присутствовала — им служили запятнанные кровью лохмотья, кое-как сшитые вместе наподобие кожи Свежерожденного.

Они бросились в атаку ревущей волной, паля по защитникам из всех мыслимых видов оружия. Лазерные разряды и пули попадали в стены или в керамитовые пластины брони Железных Воинов. Недостаток в мастерстве и тактической изобретательности нападающие с лихвой компенсировали неумной, животной свирепостью.

Но для победы этого было совершенно недостаточно.

Четко скоординированные оружейные залпы рывкали снова и снова, и атакующие падали ряд за рядом. Их примитивные доспехи не могли выдержать удар

реактивных болтерных снарядов, каждый из которых, как миниатюрная ракета, взрывался внутри грудной полости жертвы.

Тяжелые орудия на башнях прорезали кровавые борозды в толпе нападавших, но, казалось, жестокая резня только подзадоривает их, заставляя идти в атаку с еще большим фанатизмом, как будто их единственной целью было пролить как можно больше крови.

- Разве эти идиоты не понимают, что не смогут прорваться внутрь? -- сказал Ваанес, хладнокровно стреляя. Разрывной снаряд взорвался под бронзовой маской машущего флагом безумца -- тот рванул к воротам, даже не обнажив оружия.

- Кажется, им все равно, -- ответил Хонсю, перезаряжая болтер. -- Им не нужно вовнутрь, они должны сообщить, что нам брошен вызов.

- Думаешь, это люди Улүвента? -- спросил Грендель, которому такая односторонняя бойня доставляла явное удовольствие. Он позволил врагу

приблизиться к своей секции стены и только тогда приказал своим воинам открыть огонь, и Хонсю видел, что он наслаждается убийством с такой близкой дистанции.

- Без сомнения, - ответил Хонсю.

- Он наверняка знает, что они все погибнут, - заметил Ваанес.

- Для него это не важно, - сказал Свежерожденный, стоявший за плечом Хонсю. Странная плоть существа все еще светилась, а глаза хищно мерцали. -- Умному, и его богу все равно, из кого течет кровь. Заставив этих людей погибнуть зазря, Улүвент показал нам, насколько он могуществен. Показал, что может позволить себе потерять столько солдат без ущерба для себя.

- Умнеешь с возрастом, - похвалил Грендель и, ухмыльнувшись, хлопнул Свежерожденного по руке. Тот вздрогнул от прикосновения, и Хонсю понял, что существо ненавидит воина с урокезом. Стоит заполнить этот нюанс на будущее, если с Гренделем возникнут проблемы.

Резня -- битвой это было называть

Нельзя -- глилась еще около часа, прежде чем затихли последние выстрелы. Нападавшие не желали отступить и полезли все до последнего, устлав разорванными в клочья телами подступы к лагерю Железных Воинов.

Необычная тьма, сопровождавшая атаку, теперь рассеялась, словно с приходом рассвета, и Хонсю увидел, что через тропы к крепости пробирается одинокая фигура.

Грендель прицелился, но Аргарик Ваанес, положив руку на ствол болтера, заставил его опустить оружие.

- Что, черт побери, ты делаешь, Ваанес? -- зарычал Грендель.

- Он не из людей Улүвента, - ответил тот. -- Его тебе убивать не следует.

- Много ты знаешь, - огрызнулся покрытый шрамами воин и обернулся к Хонсю за подтверждением приказа не стрелять. Тот коротко кивнул и повернулся к гостю, который приближался к воротам, не выказывая никакого страха перед наведенными на него орудиями.

- Кто он такой? -- спросил Хонсю. --

Узнаешь его?

- Нет, но я знаю, кого он представляет, - ответил Ваанес, указав на цитадель, угрожающе нависшую над горизонтом.

- Открыть ворота! Послушает, что он скажет.

Взбираясь к горной цитадели по череде извилистых лестниц, ступени которых были вырезаны прямо в отвесных склонах горы, Хонсю, несмотря на проявленную ранее самоуверенность, испытывал некоторую тревогу. Посланник шел впереди, и его обутые в сандалии ноги отыскивали путь по крутым ступеням с такой уверенностью, будто он ходил этим маршрутом уже тысячу лет. Вполне вероятно, так оно и было.

Хонсю встретил эмиссара у ворот своей импровизированной крепости. Это был простой слуга, безымянный, одетый в мантию писца; он передал Хонсю футляр для свитков из черного дерева и с золотой инкрустацией в форме терний. Свиток, лежавший внутри, оказался всего лишь листом плотной бумаги, а не

претенциозным куском человеческой кожи, как предполагал Хонсю. Прочитав убогий, похожий на печатный, текст, он передал свиток Ваанесу.

- Утак? -- спросил он, когда тот ознакомился с содержанием послания.

- Нужно идти, - немедленно отозвался Ваанес. -- Когда тебя призывает к себе Властитель этого мира, отказ означает смерть.

Доставив послание, эmissар повел их через грязные городские улицы к самому высокому из горных пиков, вверх по крутой лестнице, высеченной в скале. Хонсю взял с собой Ваанеса и Свежерожденного, а Гренделя оставил в лагере, поручив ему казнить раненых врагов и обезопасить крепость от повторной атаки.

Подъем был изматывающе труден даже для того, чьи мускулы помогал силовой доспех, и много раз Хонсю думал, что вот-вот сорвется вниз, но Свежерожденный помогал ему сохранять равновесие. Их путь проходил через предательски ненадежные подвесные мосты, вдоль узких уступов, внутри

затянувшихся туннелей, что, подобно лабиринту, пронзали горный массив, и много заграждений из колючей проволоки. Хонсю пытался заполнить дорогу, но внутренности цитадели, полные ложных ходов и поворотов, резко менявших направление под противоестественным углом, вскоре совершенно сбили его с толку.

Только в нескольких местах их путь проходил по поверхности, и Хонсю увидел, как высоко они забрались. Внизу сверкало, подобно темному алмазу, город, и под небом нездорово-багряного цвета факелы и костры усеяли склон горы, как блески кварца. По всему городу разбили временный лагерь тысячи тысяч воинов, и Хонсю знал, что может стать их командиром, если предпримет нужные шаги.

Любая армия, набранная здесь, будет как лоскутное одеяло: разные стили боя, разные расы, разные характеры. Но это будет большая армия, и, что самое главное, ей хватит сил совершить намеченное. И если книги, которые он забрал из опутанных цепями библиотек

Халан-Гола, раскроют свои секреты, у него
будет кое-что еще более сильное, нежели
просто армия, чтобы утопить тирю
Ультратара в крови.

Чем выше они поднимались, тем
сильнее Хонсю чувствовал, что
планировка крепости заслуживает не
просто сдержанного восхищения, а
настоящего благоговения. Цитадель
строил самый утлый и хитроутный из
инженеров, но, в отличие от грубой
функциональности творений Железных
Воинов, здесь предпочтение отдавалось
коварству и скрытности, воплощенных в
самых смертоносных ловушках.

Наконец они вышли на закрытую
эспланаду, окруженную колоннами, крышей
ей служили листы металла, очевидно,
снятые с корпуса костического корабля.
Многочисленные столкновения
деформировали и исцарапали металл, он
почернел и прогнулся там, где когда-то
испепеляющий огонь лазерных батарей
пробил обшивку.

В конце эспланады виднелись
исполинские, утыканные шипами ворота.

Они были открыты, и сотня воинов в силовой броне выстроилась вдоль пути, ведущего внутрь. Доспехи воинов отличались друг от друга цветом и типом, некоторые были настолько древними, что в точности повторяли доспех, который носил сам Хонсю. Лишь одно было общим у этих воинов — неровный крест, нарисованный красным на левом наплечнике поверх символики их орденов.

Вслед за эмиссаром они прошли мимо этого строя, в котором были Саламандры, Повелители Ночи, Костические Волки, Темные Ангелы, Расчленители, Железные Руки и представители еще десятка орденов. С трачным удовольствием Хонсю отметил, что среди них не было никого из Ультратаринов; он сомневался, что в гарнизоне крепости был хоть один из лучших сынов Макрагга.

За воротами крепость превратилась в роскошный дворец, где золото и блистательные, вознесшиеся ввысь здания никак не сочетались со строгой сдержанностью внешних фортификаций. Хонсю эта обстановка показалась

аляповатой и вульгарной, вся эта показная роскошь была полной противоположностью его вкусам. Этот дворец не мог быть домом военачальника; это было жилище человека развращенного и самовлюбленного. Но стоило ли этому удивляться: ведь именно чудовищное самознание и мания величия когда-то стали причиной падения того, кто возвел эту цитадель.

Наконец они подошли к позолоченным дверям, в которые с легкостью мог бы пройти титан «Новелитель битвы»; створки дверей плавно распахнулись, и за ними открылся грандиозный тронный зал, отделанный молочно-белым мрамором и золотом. Из-за дверей доносился шум голосов и лязг доспехов, а когда Хонсю и его свита вошли вслед за эmissаром в зал, в дальнем его конце они увидели гигантского линейного титана, замершего, как некая демоническая декорация, позади высокого трона на постаменте.

Под сводчатым потолком висело не меньше сотни трофейных знамен; в зале

было не протолкнуться от собравшихся в нем воинов всех мастей.

- Я считал, приглашение предназначалось только нам, - сказал Хонсю.

- С чего бы это? -- отозвался Ваанес. -- Думал, ты особенный?

Хонсю проигнорировал злорадство Ваанеса и оставил ядовитые слова без ответа. Он действительно думал, что аудиенция назначена ему одному, но теперь ясно видел всю абсурдность такого предположения. Ведь это была Жатва Черепов, и, естественно, каждый из собравшихся здесь воинов полагал, что победителем станет именно он.

Тут и там в толпе виднелись рога, багрового цвета шлемы, блестящие лезвия топоров и мечей, инопланетные существа в сегментных доспехах, а над всем этим буйными красками нестрели штандарты, на многих из которых виднелся тот или иной знаменитый символ Темных Богов.

- Нам тоже нужно было принести жертву, не так ли? -- прошипел Хонсю, склонившись к Ваанесу.

- Можно было и принести, но на него бы это впечатления не произвело.

- В этой комнате страх, - сказал Свежерожденный. -- Я чувствую, как он струится в этих стенах, подобно течениям варпа.

Хонсю кивнул. Даже он ощущал затаенное, гнетущее беспокойство, пропитавшее весь тронный зал. Сам трон - увитый терниями монолит из оникса, рядом с которым любой человек, даже Астартес, показался бы карликом -- пока не наступал.

Инстинктивно почувствовав опасность, Хонсю повернулся, и рука его метнулась к эфесу меча. Над ним нависла угрожающая тень.

- Ты Хонсю? -- прогремел голос, похожий на грохот падающих могильных камней.

- Да, я, - ответил он и посмотрел вверх, в горящие, словно угли, глаза воина, облаченного в алый доспех: покрытая глубокими царапинами и опаленная пламенем битвы броня как будто состояла из переплетения обнаженных мускулов.

Кости, спекшиеся в сплошную массу, образовали наплечники госпеха, на которых был вырезан символ в виде планеты, пожираемой зубастыми челюстями. На нагруднике из сросшихся ребер виднелся красный череп, выжженный поверх восьмиконечной звезды, и Хонсю сразу узнал того, кто стоял перед ним. На голове его был шлем, сделанный из черепа орка, при жизни наверняка бывшего немалых размеров; глаза воина, глядевшие из глубины этого черепа, светились сдержанной яростью.

- Пашток Улүвент, я полагаю, - сказал Хонсю.

- Я Мясник Фортунда, я кровавая буря в ночи, что приходит, чтобы забрать черепа святых для Хозяина Медного Трона, -- провозгласил гигант; до Хонсю донесся запах свернувшейся крови, исходящий от его госпехов.

- Что тебе нужно? Разве ты потерял много людей при попытке штурмовать мой лагерь?

- Просто кровавая жертва, - отмахнулся Улүвент. -- Объявление вызова.

- Ты позволил своим людам погибнуть, только чтобы бросить мне вызов? -- Хонсю все не мог поверить.

- Они -- ничто, просто пушечное мясо, с помощью которого я выражаю свое недовольство. А вот Восок Далл был одним из лучших воинов моего отряда, и за его смерть ты заплатишь собственной жизнью.

- Многие пытались меня убить, -- ответил Хонсю, выпрямляясь во весь рост перед чемпионом Кровавого Бога, -- но ни у кого пока не получилось, а они были посильнее, чем ты.

Улүвент незротко растеялся -- стех, в котором не было и следа веселья, прозвучал так, как будто доносился из пещеры на краю мира, -- протянул руку и легонько постучал Хонсю по лбу.

- Когда начнется Жатва, ты и я встретимся на поле боя, дворяжка, и я украшу твой доспех твоим черепом.

Не дожидаясь ответа, Улүвент развернулся и зашагал прочь. Только усилием воли Хонсю сдержал охватившую его ярость и не выстрелил тому в спину.

- Барн замерзнет, прежде чем это случится, - прошипел он, и в этот момент взревел боевой горн титана. Резкий, диссонансирующий звук, в котором в разрядах статики смешался пульсирующий сигнал фанфары и воинственное рычание, эхом прокатился по залу, резонансом отозвался в колоннах и проник до самых костей каждого из воинов.

Хонсю моргнул, увидев, что трон у ног линейного титана уже не пустует. Сидел ли там кто-нибудь мгновением раньше? Он мог поклясться, что на троне из оникса только что никого не было, но теперь на нем восседал, наподобие древнего короля, колосс в алых с золотом доспехах. Нилб из клинков обратлял непельно-бледное, бескровное лицо, правая рука оканчивалась чудовищного размера когтями, лезвия которых были выпущены и мерцали, оживленные темной энергией; в другой руке величественного короля был огромный топор. Безжалостным взглядом он окинул собравшихся воинов, и невозможно было утаить хоть что-нибудь от этого пронизательного взора. У плеча

гиганта, обвинившись вокружении
вентиляционных отверстий его ранца,
сидело непрестанно чирикающее, покрытое
слизью существо, похожее на рептилию.

Горн титана внезапно столк, и все
глаза устремились на короля-воина на
ониксовом троне. Каждый избранный в зале
преклонил колено в почтении перед столь
могущественным правителем.

Гурон Черное Сердце.

Тиран Багаба.

Наконец Тиран заговорил, и голос его
был рокошующим и властным. Это был
голос, привыкший повелевать, голос,
убедивший три ордена Агентус Астартес
встать на его сторону и пойти против
своих братьев. Голос воина, потерявшего
больше половины тела и не только
выжившего, но и ставшего после этого еще
сильнее и смертоноснее.

Нехотя Хонсю признал, что Гурон
производит впечатление.

- Я вижу голод на многих лицах,
сказал Тиран. - Я вижу командиров и
корсаров, наемников и изгнанников,
ренегатов и предателей. Меня не

интересует, кем вы были до того, как
пришли сюда, - в Жамбе Черенов важно
лишь, кто окажется сильнее.

Гүрон Черное Сердце встал с трона и
спустился к тем, кто собрался перед ним.
Омерзительное существо на его плече
шипело и плевалось, пигментация его
пестрой шкуры непрерывно менялась, в
одно мгновение превращаясь то в пятна,
то в чешую. Черные глаза существа,
лишенные всякого выражения, походили на
драгоценные камни, но Хонсю чувствовал,
что за ними скрывается быстрый и злой
ум. Следом за Тираном шел воин в доспехах
Астральных Когтей, бывшего ордена
Гүрона, светившийся изнутри темной
силой, как будто то, что скрывалось под
керамитовой броней, уже не было только
человеком.

Рядом с воином шла высокая женщина
поразительной внешности: ее черты были
неестественно тонкими, как будто она до
предела истощена. Гладко зачесанные
темные волосы каскадом ниспадали до
плеч, в глазах танцевали золотистые
искорки, а изумрудного цвета мантия

была так велика для ее хрупкого тела, что казалась снятой с чужого, более крепкого плеча. В руке ее был тяжелый посох из черного дерева с навершием в виде рогаемого черепя, и с первого взгляда Хонсю признал в ней колдунью.

Глядя, как Гурон Черное Сердце идет сквозь толпу воинов, Хонсю заметил, что размеры его трона не были простой данью тщеславию: рядом с Тираном даже самые могучие из претендентов на победу выглядели ниже ростом.

Не удивительно, что пиратские флотилии, орудовавшие вдоль торговых путей вокруг Нового Бадаба, наводили такой ужас на капитанов имперских судов. Разбойники Черного Сердца напали на мины трона Императора, а затем возвращались на принадлежащие Тирану базы, рассеянные вокруг Мальстрима, принося ему награбленную добычу, рабов, оружие и, что самое главное, корабли.

Тиран шел через тронный зал в сопровождении своих телохранителей, и каждый на его пути заискивающе кланялся. Хонсю презрительно скривился:

- Они почитают его, как будто он бог.
- Для Нового Багаба он и есть бог, -
ответил Ваанес. - В его власти решать,
кто из оказавшихся здесь будет жить или
умрет.

- Я не в его власти.
- И ты тоже, - заверил Ваанес.
- Тогда я лучше буду держать свое
мнение при себе.

Ваанес хмыкнул.

- Само собой, но значения это не
имеет. Говорят, что эта тварь на его
плече, Хамадриа, может заглянуть в
самое сердце человека, а потом
нашептывает самые темные секреты на
ухо Тирану. Десятки лет ассасины
Империи пытались убить Черное
Сердце, но никто не смог и близко к нему
подобраться -- Хамадриа издалека
чувствует их мысли.

Кивнув в ответ на слова Ваанеса,
Хонсю продолжал наблюдать за
рабленными изъавлениями верности и
почета, на которые не скупились самые
разные командиры и капитаны корсаров.
На другой стороне зала он увидел Паштока

Улүвента: тот тоже был выше такого подхалимства, вызывая в Хонсю еще большее к нему уважение.

Но затем взгляд Тирана остановился на нем самом, и он почувствовал, как кровь отливает от лица, а позвоночник холодной волной окатывает страх. Такие ощущения были Хонсю внове и они ему совсем не понравились. Тонкие губы Тирана растянулись в улыбке, обнажая заточенные до бритвенной остроты клыки, и Хонсю обнаружил, что совершенно беззащитен перед этим пронзительным взглядом.

Тиран направился к нему, заставив воинов расступиться; когти его огромной перчатки потрескивали, полные пагубной силы, а Хамагрия шипела в звериной ярости.

Внутреннее телосложение Түрона было усилено кибернетической аугментацией и благословлением Темных Богов, так что теперь он был настоящим гигантом. Голова Хонсю доставала только до середины нагрудника Тирана, и, несмотря на уязвленную гордость, ему приходилось смотреть на повелителя

Нового Багаба снизу вверх. Ощущение было такое, как будто он был беспомощной добычей какого-то чудовищного хищника или редким насекомым, которого коллекционер собирается насадить на булавку. Взгляд Тирана сверлил его, пока Хонсю не показалось, что он больше не выдержит; затем Гурон обратил свой взгляд в сторону Свежерожденного и Аргарика Ваанеса.

- К нему прикоснулась первоизданная сила варна, - сказал Тиран, кончиками ногтей заставив Свежерожденного приподнять голову. -- Он силен и непредсказуем, но и очень опасен. А ты...

Последняя фраза относилась к Ваанесу. Забыв о Свежерожденном, Тиран лезвием топора развернул его к себе и живнул, увидев на его наплечнике крест Красных Корсаров.

- Я знаю тебя, - сказал Тиран. -- Ваанес, бывший десантник Гвардии Ворона. Теперь ты дерешься за кого-то другого?

- Именно так, милорд, - ответил Ваанес, склоняясь перед своим бывшим

хозяином.

- За этого полукровка?

- Последний, кто меня так назвал, лишился жизни, - огрызнулся Хонсю.

Казалось, Тиран даже не пошевелился, но его когти молниеносно рванулись вперед, и, пробив нагрудник доспеха, подняли Хонсю в воздух. Он чувствовал, как темный, холодный металл погружается в его грудь, но Тиран точно соизмерял силу своего удара.

- А последний, кто выказал мне неуважение в моем собственном тронном зале, теперь тучается в руках моих самых умелых демонических палачей. Каждый день они раздирают его душу на части, потом возвращают ее грязные куски из варна, и все начинается заново. Для него эта агония длится уже восемьдесят лет, и я пока не собираюсь ее прекращать. Хочешь, чтобы тебя постигла такая же участь?

Жизнь Хонсю висела на волоске, но он все равно сумел наполнить свой голос неповиновением:

- Нет, милорд, не хочу, но я больше не

полукровка. Я -- один из Кузнецов Войны Железных Воинов.

- Я знаю, кто ты, - ответил Тиран. -- Улматериул полнится слухами о резне и разрушениях, которые ты учинил. Я знаю, зачем ты здесь, я видел путь, уготованный тебе судьбой. Ты принесешь опустошение в мир почитателей трона-Улператора, но те, кому ты навредишь, будут готовы низвергнуть сами небеса, чтобы убить тебя. Несмотря на все твоё высокомерие и ожесточение, в тебе есть что-то, чего нет в других.

- И что же это? -- фыркнул Хонсю.

- Тобой движет великая мечта о мести, и мою руку удерживает только мысль о том, что у тебя есть шанс на успех.

Обернувшись к Ваанесу, Гурон сказал:

- На твой броне мой знак, Аргарик Ваанес, но я чувствую, что ты служишь силе более могущественной, чем этот полукровка. Помни лишь, что Темный Принц -- ревнивый господин и не потерпит, чтобы ему изменяли.

Когти Черного Сердца втянулись

обратно в перчатку, и Хонсю рхнул, едва дыша, на пол тронного зала. Прикосновение Тирана пронзило его холодом, и, отчаянно стараясь отдышаться, он чувствовал, что близкая смерть коснулась его сердца легяным саваном. Он посмотрел вверх, но Тиран уже двинулся дальше.

Поднявшись на ноги, Хонсю увидел, что колдунья Тирана разглядывает Свежерожденного с неприкрытым любопытством, и глаза ее пытливы. Всплываются в кошмарное сплетение швов, скреплявших его оболочку из мертвой плоти. Черное Сердце тем временем вновь взошел на трон и, воздев над головой топор и когтистую лапу, обратился к собравшимся избранным:

- Каждый, кто решится выставить свою голову на Жатву Черепов, должен ждать, когда откроется Великое Око, и предъявить свой клинок на Арене Шипов. Уплетется кровь, и умрут слабые, а победитель будет щедро вознагражден моим покровительством.

Голос Тирана зазвучал тише, но сила его все равно была физически ощутима, и

Хонсю показалось, что следующие слова были обращены только к нему:

- Но знайте: боги смотрят на нас, и будут вечно терзать души тех, кто окажется недостойн.

В последующие дни воины Хонсю исследовали город, раскинувшийся на склонах горы-цитадели, и собирали всю возможную информацию, чтобы подготовиться к грядущей схватке. Они определяли, кому принадлежит тот или иной отряд, наблюдали за его бойцами, что было нетрудно сделать, так как каждый командир стремился похвалиться мастерством своих чемпионов.

Аргарик Ваанес наблюдал за чувственным и смертоносным танцем мечников Ноты Этассай: в его группу воинов-священников входили те, кому был знаком любой порок, те, кто извещал всеощущения, даруемые клинком, и потому каждое убийство они совершали с непередаваемыми изяществом и наслаждением. Нота Этассай, прекрасный андрогин неопределенного пола, пригласил Ваанеса сразиться с ним и, отведав его

крови, немедленно предложил ему место в отряде.

В каждом бою с ними Ваанес чувствовал отголоски губительного возбуждения, которым грациозный танец клинков отзывался в воинах-священниках; он отклонил приглашение Этассай, искренне сожалея, что не может согласиться пройти ритуал инициации.

На Кагараса Гренделя утонченное мастерство мечников Этассай впечатления не произвело, и, оставив Ваанеса и Свежерожденного развлекаться на свой лад, он целые дни проводил, наблюдая за кровавыми играми воинов Улүвента, в которых те рубили на куски трупы обнаженных рабов. Вооружением их жертвам служили только ножи и животный страх, и такая варварская бойня была Гренделю гораздо больше по вкусу. Вскоре и его собственное оружие обрызглось кровью на арене Улүвента, а еще через час его кровожадность заработала ему аудиенцию с командиром, который самолично пришел на арену.

Вотиур Тарк смог поднять на склоны

горы некоторые из своих боевых машин, и теперь под рев яростных двигателей, вывших, словно души узников, гусеницы их давили пленников, а когтистые руки-клешни разрывали тела на части. Корсары Каары Саломбара устроили блистательную демонстрацию меткости и искусства фехтования, но после утонченного мастерства последователей Ноты Этассай на Ваанеса это впечатление не произвело.

Сам Хонсю редко покидал стены лагеря и большую часть дня проводил за изучением древних фолиантов, привезенных из Халан-Гола. Он по-прежнему не объяснял, что он ищет на их проклятых страницах, но с каждым днем его навязчивое желание раскрыть секреты этих безутных сочинений только росло.

Свежерожденный держался рядом с Ваанесом и хладнокровно наблюдал за убийствами и демонстрацией воинских утончений. В силе и мастерстве он превосходил большинство из собравшихся здесь воинов, но только в последнее время боль и смерть стали доставлять ему

удовольствие. В его душе шла битва, в которой идеи его создателя боролись с неосознанными инстинктами и генетической памятью, унаследованной от Уриэля Вентриса.

Из всех отрядов, прибывших на Жамбу Черепов, наибольшее впечатление на Свежерожденного произвели локсатли — наемники-ксеносы, устроившие себе логова в норах на склоне горы. На островке ровной земли перед этими пещерами локсатли устроили тренировочный бой, за которым и наблюдали Ваанес со Свежерожденным.

Отряд-выводок возглавлял вождя клана, называвший себя Ксанеант. Было ли это его настоящее имя или так его переделали человеческие языки, осталось неизвестным, но Свежерожденный был поражен инопланетными наемниками, тем, как плавно двигались их гибкие тела, и их исключительной преданностью друг другу.

Что-то в этой родственной привязанности было до боли знакомым, и Свежерожденный задумался о том, откуда взялось это охватившее его чувство.

общности. Было ли это чувство ответом на какое-то воспоминание, таящееся в глубине его измененного мозга, или это говорила душа, часть которой украла и вложила в него Демонкулаба?

- Их всех связывают кровные узы, - заметил Свежерожденный, наблюдая за молниеносными движениями локсатлей, которые, как пляшущие огоньки светлячков, демонстрировали чудеса скорости и проворства. -- Разве это не мешает им в битве?

- Каким образом? -- спросил Ваанес.

- Разве не чувствуешь горя или страха, когда гибнет твой родственник?

- Не думаю, что локсатли мыслят именно так, - ответил Ваанес. -- Скажу очевидную вещь, но ведь они -- не люди. Хотя что-то в этом есть. Полню, я когда-то читал про древние войны, в которых короли создавали целые полки, набранные из одного города. Считалось, что такое сродство сделает их более преданными друг другу и укрепит их дух.

- И что, укрепило?

- Да, но только пока не пролилась

первая кровь. Как только появились первые
нававшие в бою, один виг грузей и
возлюбленных, гибнущих под обстрелом
или под ударами мечей и топоров, сразу же
уничтожил в них все желание сражаться.

- Тогда почему так принято у
локсатлей? - настаивал Свежерожденный.

- Если такие объединения настолько
ненадежны, зачем вообще создавать их?
Ведь гораздо лучше сражаться одному или
рядом с теми, чья судьба тебя не волнует?

- И да, и нет, - сказал Ваанес, вновь
входя в роль ментора и наставника. -
Многие боевые подразделения сохраняют
целостность как раз благодаря тем, кто
сражается рядом с тобой, благодаря тому,
что ты не хочешь погубить своих боевых
братьев. Дух товарищества сплачивает,
но этот дух еще надо закалить, чтобы он
не сломался при первой же смерти в бою.

- Так делают Агентус Астартес?

- Не все из них, - с горечью ответил

Ваанес.

- Ультратарины?

- Да, Ультратарины, - Ваанес

вздыхнул. - Это в тебе от Вентриса?

- Думаю, да, - признал Свежерожденный. - Я хочу считать братьями тех, рядом с кем сражаюсь, но братства не чувствую.

Ваанес растаял.

- В отряде Хонсю ты точно этого не почувствуешь. Говорят, еще до восстания Хоруса у Железных Воинов были проблемы с дружкой.

- Это слабость?

- Пока не знаю. Время покажет, надо ли полагать. Некоторые банды дерутся ради денег, другие -- ради мести, славы или просто ради самой битвы, но итог всегда один.

- И какой же?

- Смерть, - раздался голос позади них. Обернувшись, Свежерожденный и Ваанес увидели перед собой чахлую колдунью Түрона Черное Сердце. Изможденное лицо ее в гневном свете еще сильнее напятило череп, под лучами солнца кожа казалась нездорово прозрачной, а золотые глаза блестели. Ткань ее мантии переливалась на свету, а черные волосы извивались, подобно змее, при каждом

повороте головы.

- Да, - сказал Ваанес. - Смерть.

Колдунья улыбнулась, обнажив желтые пеньки зубов, и Ваанес поморщился от отвращения. Женщина казалась молодой, но ценой за ее сверхъестественные силы стала гниль, разъедавшая ее изнутри.

- Потерянное Дитя и Слепой Воин, наблюдающие, как я вижу, за выступлениями ксеносов, чье мышление в корне враждебно человеческому. Очень вам подходит.

С приближением колдуньи по коже Ваанеса побежали мурашки. В бурлящем котле Мальстрима чудовищная сила Ултатериума ощущалась всегда, беспокойным призраком таясь на грани восприятия, но колдунья своим присутствием притягивала обитателей Варна, как пагаль притягивает стервятников. Ваанес чувствовал, как астральные когти этих существ скребутся, сиюсь проникнуть в его разум.

Посмотрев на Свежерожденного, он увидел, что тот морщится и

вздрагивает, как будто вокруг его лица вьется рой невидимых насекомых, на которых он пытается не обращать внимания.

- Что тебе нужно? -- спросил Ваанес, схватив Свежерожденного за руку и оттаскивая его подальше от отмерзительной женщины. -- Я ненавижу тебе подобных и не собираюсь выслушивать твои речи.

- Не торопись так сразу отвергать то, что я могу тебе предложить, воин Коракса, -- прошипела колдунья и, вытянув руку, прикоснулась к груди Свежерожденного.

- Никогда больше не упоминай этого имени, -- зарычал Ваанес. -- Теперь для меня оно ничего не значит.

- Сейчас не значит, но придет день, когда все изменится, -- пообещала колдунья.

- Ты видишь будущее? -- спросил Свежерожденный. -- Ты знаешь, что должно случиться? Ты видишь все?

- Нет, не все, -- призналась колдунья, -- но те, кто своей жизнью меняет течения Варна, подобны ярким огням в ночи. Огонь

этот освещает часть их пути, и
имеющие дар видения могут его
разглядеть.

- Ты видишь мой путь? - жадно
спросил Свежерожденный.

Стех колдуньи, резкий и отрывистый,
заставил локсатлей остановиться
показательный бой и заверещать от
ярости. На их блестящих шкурах
выступил мерцающий узор, и в одно
мгновение они рассеялись по склону,
скользнув в укрытие своих скальных нор.

- Судьба Потерянного Дитя пронзает
будущее, подобно огненному коню, - сказала
колдунья. - Его жизнь вплетена в историю,
в которой погибнет великий герой, угаснет
звезда и пробудится зло, которое уже давно
считают сгинувшим.

- Ты говоришь бессмысленными
загадками, - отрезал Ваанес, стараясь
оттащить Свежерожденного подальше.

- Подожди! - воскликнул тот. - Я хочу
узнать больше.

- Нет, не хочешь, уж поверь мне, -
угрожающе сказал Ваанес, видя, что к ним
направляется Грендель в заляпанных

кровью доспехам. -- Ничего хорошего она тебе не скажет.

- Потерянное Дитя хочет услышать твои слова, - проскрежетала колдунья и презградила им путь увенчанным черепом посохом.

Баанес активировал когти молниевый перчатки и пронзил грудь колдуньи лезвиями глиной в фут, разорвав ей сердце и легкие. Она умерла беззвучно, и дыхание покинуло ее губы легким переливчатым облаком, а золотые глаза погасли. Баанес втянул в себя ее последний вздох, с наслаждением вкушая наполнявшие его страх, ужас и боль. Вкус ее души отозвался по всему телу восхитительной горечью, и радость убийства вытеснила из его разума все мысли о возможных последствиях.

Баанес опустил руку, и чуждое тело соскользнуло с его когтей на землю, сам же он, увлекая за собой Свежерожденного, направился навстречу Тренделю.

- Что это было? -- поинтересовался Трендель, окидывая взглядом съездившийся трүн колдуньи. Чем бы ни была та сила,

что давала жизнь ее измученному телу, теперь она ушла, оставив только иссушенную оболочку из дряхлой плоти и хрупких костей.

- Ничего особенного, - ответил Ваанес и глубоко вздохнул. -- Забудь.

- Ладно, - согласился Грендель и указал на небо. -- Хонсю хочет, чтобы вы вернулись в лагерь. Жатва вот-вот начнется.

Ваанес посмотрел вверх и увидел в небе вихрь всех цветов радуги, который закручивался вокруг пятна ядовитого янтарного цвета, похожего на злокачественную опухоль в центре водоворота инфекции.

- Великое Око... оно открывается, - прошептал он, но Грендель уже зашагал прочь в противоположном направлении. -- Ну что, ты идешь обратно?

Грендель кивнул, кровожадно ухмыляясь:

- За меня не беспокойся. Увидится на арене.

Ваанесу это не понравилось, но он не придал словам Гренделя внимания, вместо

этого загудавшись, чья кровь заняла нагрудник его доспеха. Железный Воин взглянул на сторщенные останки колдуньи, лежавшие на земле.

- Она что, пыталась вам погадать? -- спросил Грендель, становясь на колени рядом с трупом, скрытым свободными складками мантии.

- Что-то вроде того, - признал Ваанес.

- И ты из-за этого ее убил?

- Да.

- Жаль, что такого поворота она как раз и не предвидела.

Как и все подобные мероприятия, Жатва Черепов началась с жертвоприношения. У ног рычащего линейного титана, колоссального и величественного, Тиран Багаба вырвал сердце пленника -- воина из орден Ревущих Грифонов -- и бросил его на песок арены, где оно еще некоторое время билось, истекая алой артериальной кровью.

В течение всего первого дня чемпионы из различных отрядов представляли себя Тирану, восседавшему

на высоком троне из бронзы и янтара, после чего распределялись вызовы на бой. В первую очередь решалась кровная вражда, и несколько чемпионов выкрикнули имена тех, кому они хотели отомстить за поругание своей чести.

Хонсю ожидал, что среди их числа окажется и Папток Улүвент, но гигант в красных доспехах пока не появился.

- Я думал, Улүвент придет, - заметил Ваанес, словно читая его мысли.

- Обычно чемпионы Кровавого Бога появляются первыми и начинают бойню.

- Нет, для этого Улүвент слишком ленив, - ответил Хонсю.

- О чем ты?

- Я думаю, он будет выжидать, пока Жатва не наберет обороты, и только потом попытается меня убить. Тогда его победа будет еще значительнее, ведь к тому времени ты уже соберешь несколько отрядов, убив наших соперников. Так он совершит свою кровную месть *и* получит всех твоих воинов.

- Тогда он хитрее, чем большинство чемпионов Кровавого Бога.

- Возможно, - согласился Хонсю, улыбаясь. -- Посмотрим, насколько сработает его план.

- А что насчет Гренделя, где он? Я не видел его со вчерашнего дня, хотя он обещал прийти. Другие чемпионы скоро заметят, что один из твоего окружения не явился к началу этих игр со смертью.

- Забудь о Гренделе, - отмахнулся Хонсю. -- Он нам не нужен.

- Вижу его, - подал голос Свежерожденный, кивком указав на другую сторону арены. -- Вон там.

Хонсю посмотрел в указанном направлении и увидел, как ряды собравшихся чемпионов расступаются, и Папшток Улүвент занимает место у края арены. Воин в красных доспехах и шлеме из черепов орков поднял над головой обагренный кровью топор, и тысячи глотков потопались пронзительным ревом, приветствуя его зная с рунной Кхорна.

Рядом с Улүвентом стоял Кадарас Грендель, его цепной меч был вынут из ножен, а на доспехе блестели свежие кровавые пятна. Пожав плечами,

Железный Воин погнес лезвие к губам и
лизнул еще не свернувшуюся кровь.

- Грендель нас предал? -- протолвил
Ваанес голосом, охрипшим от гнева.

- Это был только вопрос времени,
отозвался Хонсю. -- Честно говоря, я думал,
это случится раньше.

- Я его убью, - зарычал Ваанес.

- Нет. Мы с Гренделем сведем счеты,
но не здесь и не сейчас, ясно?

Ваанес не ответил, и Хонсю, видя
гнев в глазах воина, мог только надеяться,
что бывший десантник Гвардии Ворона
сумеет сдержаться и не прикончит
Гренделя немедленно.

- Хонсю, я тебя не понимаю, - наконец
сказал Ваанес после паузы.

- Немногие понимают, - ответил
тот. -- И меня это вполне устраивает.

***

Первое убийство в тот день совершил
воин в бронзовом доспехе, украшенном

руной Кровавого Бога: он выпустил кишки
чемпиону в шипастой броне, который, как
заметил Хонсю с первой же минуты дуэли,
оказался слабее противника и не имел
никаких шансов на победу. Голову
погибшего ратника насадили на одну из
пик черного железа у подножия трона.
Отряд побежденного противника теперь
принадлежал убийце, и залогом их
верности были сила и мастерство
победителя. Такая верность не
отличалась постоянством, но немногие из
собравшихся здесь придавали хоть какое-
то значение тому, на чьей стороне
сражаются: главным для них было, что
ими командует самый сильный и
могущественный чемпион Жамбы Черепов.

Мечник Ранебры Корра убил
избранного дружины Ёеруэля Мракса,
предводителя клана со звезд Кофакса.
Обычай клана запрещали Мраксу
сражаться под командованием чужака, и
он отсек себе голову когтями собственной
энергетической перчатки.

За Вотиура Тарка сражалась
громоздящая боевая машина, когда-то

бывшая гредноутом, но теперь Темные
Механикумы Тарка изменили ее,
превратив во вместилище непрестанно
воняющей сущности из варна. Чудовище
разорвало на части отряды трех
чемпионов, и только один из берсеркеров
Улүвента смог остановить машину,
подорвав ее саркофаг мелта-бомбой и
лишившись при этом руки. Демона с воет
вышвырнуло обратно в варн, но взрыв
уничтожил и всю нижнюю часть тела
берсеркера. Даже лишившись ног, он смог
подползти к трону Гүрона Черное Сердце и
возложить к его подножию черепную
коробку машины.

В первый день состязаний
Свежерожденный выиграл две гүэли: в
первой он проломил череп пистольеру из
числа корсаров Каарьи Саломбара, прежде
чем тот успел выстрелить, а во второй в
схватке одолел избранного племени
локсатлей из выводка Ксанеанта.
Последняя битва длилась почти час, и
даже истощив весь свой изольчатый
боеприпас, локсатль не смог убить
противника.

В Мальстриме, насыщенном энергией варпа, способности к регенерации в дьявольском порождении Халан-Гола возросли, и каждая рана Свежерожденного хоть и причиняла ему мучительную боль, но заживала всего через несколько мгновений. Оставшись без сил и оружия, Флоксатль был вынужден броситься на Свежерожденного и попытаться пробить его броню источающими яд когтями, но даже его проворство не могло соперничать с выносливостью противника. И вот, наконец, шипящий, задыхающийся Ксенос был повержен, и Свежерожденный свернул обессилевшему врагу шею, а затем оторвал голову.

Но мере того, как продолжались бои и убийства, отряды, лишившиеся своих чемпионов, начали объединяться во все более крупные группировки под знаменами наиболее сильных командиров. Кадарас Трендель сражался, как всегда, с жестокой, не знающей пощады яростью и выиграл несколько дуэлей для Улүвента; Хонсю видел, что Ваанесу все труднее и труднее сдерживать злость в ответ на такое

вероломство. Чтобы несколько разрядить обстановку, Хонсю отправил бывшего Ворона на арену вместо Свежерожденного, дав тому время залечить раны, и Ваанес с радостью прикончил одного за другим изобранных трех отрядов, тем самым еще пополнив растущую армию Хонсю.

Сам Хонсю выходил на арену дважды: один раз, чтобы убить предводителя пиратов, вооруженного двумя кривыми саблями, острыми, как бритвы; во второй раз, когда противником был воин из расы кротов, его оружием был боевой посох с двумя лезвиями, с которыми он управлялся со сверхъестественной скоростью и четкостью.

Четвертый день боины завершился поединком Свежерожденного и гигантского огра, которого Свежерожденный задушил его собственным энергетическим кнутом, тем самым, пополнив армию Хонсю сотней этих звероподобных чудовищ.

В итоге остались армии только трех чемпионов.

Кровожадные собиратели черепов Наштока Улувента, танцоры-мечники

Ноты Этассай и Железные Воины Хонсю.

С учетом побед, которые одержали его чемпионы и он сам, войско Хонсю стремительно увеличивалось в размерах и теперь состояло приблизительно из пяти тысяч солдат. Под его командованием оказалось множество бронетехники, самые разнообразные ксеносы и банды пиратов. В общей сложности под его знамя перешло семнадцать отрядов -- по всем оценкам внушительная сила, способная нанести серьезный урон его врагам.

Папшток Улувент собрал армию примерно в шесть тысяч воинов, а тончайшее и смертоносное мастерство Ноты Этассай заработало ему пять тысяч. Каждое из этих войск было достаточно сильным, чтобы отвоевать себе изрядный кусок территории Империи и учинить на нем резню, какой еще не знала история.

Но Жатва Черенов еще не закончилась: правила, установленные Тираном, гласили, что в конце нее должен остаться только один чемпион.

С наступлением темноты три

противника вышли на арену, облачившись в доспехи и выбрав оружие сообразно своим вкусам. Искусственная рука Хонсю блеснула в свете факелов, зажженных по периметру арены, а позади них толпы воинов ревели, криками выражая поддержку своим командирам.

Все трое прошли в центр арены и встали друг против друга. Хонсю воспользовался возможностью изучить противников, понимая, что останется в живых, только если будет знать их лучше, чем они знают сами себя.

Нота Этассай был облачен в облегающий костюм из тяжелой черной кожи, поверх которого были пристегнуты элементы гибкого доспеха, прикрывавшие наиболее уязвимые места. Андрогино грациозно скользнул на арену, и прежде чем началась битва, порадовал зрителей акробатическим ритуалом, в котором прыжки и перевороты сопровождались вращением двух мечей, темных, как бархатная ночь. Лицо его было скрыто кожаной маской с металлическими заклепками и застежками-молниями.

похожими на шрамы, а на месте глаз были сферы из дымчатого стекла, светившиеся иронией и весельем, как будто их владелец пришел на встречу грузей, а не на смертельный поединок.

Нашток Улүвент воткнул свой меч в пропитавшийся кровью песок арены и взревел, сотрясая небеса кличем, полным первобытной, не выразимой словами ярости. С его доспехов капала жертвенная кровь, и похожая на обнаженную мускулатуру броня, казалось, вздымалась и пульсировала в такт биению его сердца. Глаза его, подобные озерам крови, тускло светились. Он поднял кинжал, приставил зазубренное лезвие к шее и нанес себе глубокую рану. Как только из пореза потекла кровь, чемпион воинственного бога отбросил кинжал в сторону. Хонсю прищурился:

- Уже сдаешься, Улүвент?

- Если я не успею убить тебя, прежде чем истекну кровью, то я не достоин победы, и смерть моя будет угодна Трону Черенов, - ответил тот.

- Не жди, что я совершу что-то

подобное, - предупредил Хонсю.

- Я и не жду. Ты - дворяжка, выродок, порожденный смешением генов в тяжелые времена. Ты - существо без чести, которому лучше было бы никогда не появляться на свет.

Хонсю сдержал злость, но Улүвент на этом не остановился:

- Один из твоих чемпионов уже поклялся мне в верности, но если ты подчинишься мне, твоя смерть будет быстрой.

- Я никому не подчиняюсь, - предупредил Хонсю противника.

Нота Этассай растеялся: это был высокий, телодичный стех, полный искреннего веселья.

- А я, напротив, прекрасно умею подчиняться, хотя во всех сношениях предпочитаю быть сверху.

- Вы мне оба отвратительны, - прорычал Улүвент. - Сражаться с вами - оскорбление моей чести.

Взревел боевой горн титана, и подбадривающие крики зрителей немедленно столкли. Тиран Багаба

поднялся с трона, чтобы обратиться к
стоящим на арене чемпионам; Хатагрия
обвилась вокруг его бедра, как какая-то
терзкая пиявка.

- Жатва Черенов закончится этой
ночью! -- объявил Түрон Черное Сердце, и
голос его разнесся над всей ареной до самых
склонов гор. -- Только один чемпион будет
признан победителем, а его противники
будут повергнуты на песок этой арены.
Сражайтесь достойно, и вам выпадет
честь принести страх и смерть тем, кто
предал наше доверие.

Тиран Багаба встретился взглядом с
каждым из трех чемпионов, затем поднял
руку, увенчанную когтистой перчаткой.

- А теперь сражайтесь!

Хонсю отпрыгнул назад, увернувшись
от топора Улүвента, одним ударом
натеревавшегося отрубить ему голову,
затем отклонился в сторону, уходя от
черного меча Этассай, быстрым выпадом
доставшего его наплечник. Темное лезвие
топора Хонсю описало широкую дугу,
заставляя противников отступить, и бой
постепенно начал перемещаться от

центра арены.

Этассай легко ушел от атаки, мечи его постоянно вращались, а кожаная маска скрывала все эмоции; Улүвент же крепче перехватил меч, настороженно следя за всеми движениями противников. Хонсю знал, что из двух его врагов Улүвент сильнее, но Этассай двигался с незнакомой пощады скоростью, к тому же неизвестно было, что за сила таится в его черных клинках.

Топор Хонсю алкал крови, его ненасытная жажда причинять боль и угрожу отзывалась в древке оружия и в руках его владельца — по крайней мере, в одной из них. Энергия, заключенная в серебристом протезе, который он забрал у сержанта Ультратаринов, была абсолютно чужда существу, заточенному в топоре.

На этом этапе поединка соперники обычно оценивали друг друга, пытаясь выявить признаки слабости или страха, которые можно будет обратить в свою пользу. Хонсю понимал, что ни слабости, ни страха в своих нынешних врагах не

найдег: их закалили годы войны и вера в своих богов.

Улүвент всели фибралаи души бүдет стрелитсья убивать во имя Кровавого Бога; Этассай постарается извлечь из этой дуэли все возможные ощущения. Победа для него будет на втором месте, главное же -- испытать запретельные неустовство, боль и удовольствие. Хонсю же не интересовали ни радость битвы, ни почет, уготованный тому, кто убьет своего противника. Все это предприятие было всего лишь средством для достижения его цели. Для него не имели значения ни пиратские планы Тирана, ни возможность заслужить милость древних богов варна.

Этассай первым пошел в атаку, одним прыжком приблизившись к Улүвенту, и его темные мечи затянули песню, предназначенную для чемпиона в красных доспехах. Улүвент стремительным движением парировал атаку и резко развернулся, нацеливая рубящий удар в спину Этассай. Но избранный Темного Принца не стоял на

месте и, взметнувшись вверх, сделал сальто назад, перелетев через клинок.

Затахнувшись топором, Хонсю бросился на Этассай, но воин нырнул под удар и, опираясь рукой о землю, выбросил тело вперед, сбивая врага с ног. Увидев, что Хонсю упал, Улүвент рванулся вперед, заноса над ним окровавленный меч, но Железный Воин откатился в сторону, и острое клинка воткнулось в песок. Сапог Этассай с грохотом врезался в шлем Улүвента, и разъяренный чемпион Кровавого Бога отшатнулся назад, не успев высвободить меч.

Хонсю вскочил на ноги и немедленно был вынужден перейти в оборону: Этассай резко развернулся, забыв про Улүвента, и обрушил на него череду молниеносных ударов меча. Избранный Темного Принца двигался невероятно быстро, и все силы Хонсю уходили лишь на то, чтобы не дать разрезать себя на лоскуты. Доспех его уже покрылся бесчисленными вмятинами и царапинами, и он понял, что Этассай просто играет с ним, стараясь продлить поединок и в полной мере насладиться

ощущением собственного превосходства.

Хонсю почувствовал, что его охватывает злость и раздражение, но сдержался, зная, что Этассай не оставит безнаказанной даже малейшую ошибку. Вместо этого он сконцентрировался на том, как обратить нагленность противника против него самого. Этассай верил, что он сильнее, и в этом-то и будет его самое уязвимое место.

Краем глаза Хонсю заметил, что Улүвент кружит вокруг них, выжидая, когда появится шанс забрать свой меч, при этом проявляя выдержку, несвойственную воинам Кровавого Бога. Хонсю старался держаться поближе к брошенному оружию и не дать Улүвенту сократить дистанцию. С одним противником он еще справится, но с двумя? Вряд ли.

В конце концов Этассай, которому надоело драться только с Хонсю, предложил:

- Пусть он заберет свой меч, без его припадков бешенства становится скучно.

Вместо ответа Хонсю повернулся к клинку, погруженному в песок, и расколол

его своим демоническим топором. Меч Улүвента разлетелся на тысячи осколков, и даже маска не смогла скрыть капризного недовольства, охватившего при этом Этассай.

Андрогин бросился вперед, но Хонсю ждал этой атаки и был к ней готов. Со всей силы он ударил противника в грудь древком топора, и чемпион, издав приглушенный вскрик, бездыханным рухнул на землю.

Сзади послышалось движение — то Улүвент сделал свой ход: он наступил всем весом на грудь Этассай, послышался хруст костей. Затем Улүвент бросился на Хонсю, врезавшись в него с разбегу, и они оба тяжело повалились на землю. Хонсю упустил топор из рук, а латные перчатки Улүвента уже сомкнулись вокруг его горла. Оба воина катались по пропитанному кровью песку, осыпая друг друга ударами крепких как сталь кулаков.

— Пришло время утирать! — презрительно бросил Улүвент Хонсю в лицо.

Железный Воин изо всех сил ударил

коленом в живот Улүвента, но хватка гиганта не ослабевала. Хонсю ударил еще раз, и еще, пока, наконец, не почувствовал, что удушьющее кольцо вокруг горла разжимается. Ему удалось высвободить одну руку, и ребром ладони он ударил по череполикому шлему Улүвента. Оручья кость раскололась, под ней обнажилась открытая рана на шее, и кровь брызнула на шлем Хонсю.

Он ударил по ране кулаком, затем запустил пальцы в шею Улүвента, стараясь шире раскрыть порез. Противник взревел от боли и скатился с Хонсю, затем неуверенно поднялся на ноги и, шатаясь, побрел в сторону своего отряда за новым оружием, ладонью зажимая раненую шею.

Поднявшись, Хонсю обнаружил, что тоже нетвердо держится на ногах. Устремляясь вслеп за Улүвентом, он подобрал свой топор, лежавший неподалеку от стонущего Этассай. На избранника Темного Принца внимания можно было не обращать: он был повержен и, вероятнее всего, уже наслаждался экстазом агонии.

обжигавшим все нервные окончания.

С новыми силами Хонсю шел за Улүвентом. Воин сорвал с головы разбитый шлем, под которым обнаружилось покрытое шрамами и обожженное лицо. Из широкой раны на шее толчками текла кровь, но боль, казалось, только придала Улүвенту решимости, и он рывком, требуя новый клинок.

Несмотря на опасную рану, Улүвент все еще был серьезным противником, и, получи он новое оружие на стену потерянного, Хонсю придется туго.

Кагарас Грендель протянул Улүвенту меч с широким клинком, и Хонсю задержал дыхание...

Нашток Улүвент протянул руку, чтобы взять оружие, но в самый последний момент Грендель перехватил меч и вогнал лезвие в грудь чемпиону. Острие клинка пробило броню на спине Улүвента, и Грендель еще и провернул лезвие, заставляя могучего воина пошатнуться.

Улүвент зарычал от боли, бросился в сторону от Гренделя, вырывая меч у того из рук, а затем рухнул на колени. Хонсю не

дал ему времени опомниться от боли и шока и с размаху опустил топор на плечо воина. Темное лезвие вдребезги разбило наплечник и рассекло чемпиона Кхорна от ключицы до пояса.

Пораженная тишина повисла над ареной: никто не ожидал, что Пашток Улүвент будет побежден. Когда жаркий огонь в глазах Улүвента уже стал гаснуть, Трендель сделал шаг вперед из рядов воинов Кровавого Бога и встал рядом с Хонсю.

- Извини, - сказал Трендель, улыбаясь. - Я знаю, что Хонсю нечистокровный ублюдок, и битва под твоим знаменем была бы более кровавой, но, идя в бой с ним, я, по крайней мере, выживу.

Улүвент обратил на Хонсю взгляд, затуманенный болью и ненавистью:

- Дай... мне... клинок.

Как бы ему ни хотелось отказать врагу в подобной просьбе, Хонсю понимал, что должен исполнить желание чемпиона, если хочет, чтобы в воинах, выигранных у Улүвента, была хоть капля верности.

- Дай ему меч, - приказал он.

Грендель кивнул и вытащил клинок из груди поверженного чемпиона, вызвав фонтан пенящейся крови. Он протянул оружие Улүвенту, и тот обхватил эфес мечом слабеющей рукой.

- У... мой череп, - выдохнул Улүвент из последних сил. - Тебе придется... его... забрать.

- С превеликим удовольствием, - ответил Хонсю, поднял топор и исполнил последнюю просьбу Улүвента.

Как только голова Паштока Улүвента оказалась на пике у трона Черного Сердца, Жамба Черепов подошла к концу. Сотни воинов погибли на песках арены, но эти смерти мало что значили в масштабе грядущих событий и могли только служить пищей для самознания Тирана и развлечением для Темных Богов Варна.

Перед отбытием с Нового Багаба в распоряжении Хонсю было почти семнадцать тысяч воинов, принесших ему кровную клятву верности. Отряды, собранные Улүвентом, также украсили свои знамена его символом Железного

Черена.

Нота Этассай выжил и по собственной воле поклялся Хонсю в верности, перед этим поблагодарив его за возможность испытать непередаваемые ощущения от обломков костей, протыкающих легкие.

Гүрон Черное Сердце сдержал свое слово: победитель в Жамве Черенов действительно многое приобрел благодаря его покровительству. Покидая орбиту, «Поколение войны» вел за собой целую флотилию самых разных кораблей: это были дары Бадабского Тирана, сделанные им ради скорейшего нанесения удара по силам Империи. Вдобавок к этим кораблям, флагман Хонсю теперь окружали корабли побежденных чемпионов, и все вместе они составляли разношерстный, но сильный флот корсаров и ренегатов.

В нем были и повидавшие множество боев военные корабли, и неповоротливые грузовозы, и планетарные канонерки, и оснащенные варп-двигателями следящие станции, и захваченные крейсера. Во главе

флотилии шел «Поколение войны», и тщательно выверенный курс его лежал через Мальстрим, прочь от владений Түрона Черное Сердце.

Флотилия была готова к переходу, и тошнотворно-желтый диск Нового Багаба скрылся в пылевых облаках и потоке грязной энергии Ултатериута, вырвавшегося из разрыва в ткани пространства. Хонсю вспомнились слова, сказанные Тираном в их последнюю встречу.

Черное Сердце указал темным когтем на Ваанеса, Гренделя и Свежерожденного, уже поднимавшихся на борт потрепанной «Грозовой Птицы»:

- Как только в них больше не будет нужды, убей их, - сказал Тиран. -- Иначе они в конце концов предадут тебя.

- Они не постыются, - возразил Хонсю, но семена сомнения уже были посеяны.

- Запомни вот что, - ответил Түрон Черное Сердце. - Сильные становятся сильнее в одиночестве.